

Террорист

В растворенное окно дышало теплое майское утро – свежестью и нежным запахом сирени. Кусты ее разрослись и доставали до второго этажа, отгородив, словно ширмой, дом напротив – такую же точно «хрущевку» из бетонных блоков, бывших когда-то мышино-серыми, а со временем там и тут покрывшихся бурыми пятнами и потеками ржавчины.

Саша сидел у телевизора и бесцельно переключал каналы. В школу можно было не спешить – первого урока сегодня не было – выпускной класс, готовились к экзаменам. Думал он о своём, а звуки и картинки, мелькавшие на экране, были чем-то вроде жевательной резинки. На то, что там показывалось, внимания он почти не обращал – только реклама раздражала, потому и переходил он с одного канала на другой. Глянув на часы, Саша уже собирался выключить телевизор – пора было уходить, как вдруг наткнулся на экстренный репортаж о взрыве автобуса где-то в Израиле.

Оператор, судя по всему, был склонен к откровенным и жутким кадрам, а может быть попросту хотел поразить зрителей своей хладнокровностью. Камера «наезжала» на развороченный взрывом автобус и крупным планом показывала изувеченое женское тело в луже крови. Хотелось закрыть глаза или отвернуться, а оператор всё держал и держал кадр, пока не возникла рука полицейского, закрывшая, наконец, объектив.

За бесстрастными словами переводчика можно было различить быструю и возбужденную речь репортера какого-то английского телеканала. Подстать своему оператору тот рисовал словесную картину, леденящую душу. Когда вмешался полицейский и с ним завязалась перебранка, переводчик замолчал. Саша понимал по-английски лишь отдельные слова, но смысл происшедшего дальше был очевиден и без перевода. Короткая перепалка закончилась восклицанием «fuck!», известным всякому, кто посмотрел в своей жизни хоть один американский фильм.

Покончив с мертвыми, оператор обратился к тем, кому посчастливилось уцелеть. С такой же бесцеремонной бестактностью телекамера «наехала» на плачущую девочку лет десяти. Губы ее тряслись, взгляд был полон ужаса и безутешного горя. Там, в луже крови, было тело ее матери....

После этого пошел сюжет израильского репортера. Ему удалось заснять пойманного полицией террориста. Как оказалось, их было двое – один взорвал себя в автобусе, а другой собирался сделать это на многолюдной остановке, да что-то у него там не сработало.

Два полицейских вели террориста под руки. Попыток сопротивляться этот бородатый парень не делал. Он смотрел перед собой ничего не видящим взглядом и повторял: «Аллах акбар!». Говорил он это негромко и как будто не окружающим людям, а куда-то в пространство, в потусторонний мир. Да он и сам, наверное,

находился в том мире, уже простившись с жизнью, когда нажимал несработавшую кнопку....

Время поджимало. Саша выключил телевизор, прикрыл окно и, накинув на плечи рюкзак, вышел за порог. В подъезде отвратительно пахло тухлой рыбой. Сосед-алкоголик имел обыкновение выставлять на лестницу пластиковый пакет с мусором – выйти на улицу и бросить его в ящик у него, как видно, не доставало сил.

С верхнего этажа спустился рыжий кот, приветственно мяукая и держа свой пушистый хвост трубой. Он потерял о Сашину ногу и заурчал. Кот этот был ничей. Жил тут в подъезде – зимой грелся у батареи, весной пел свои кошачьи песни на крыше, быть может ловил мышей в подвале.... Словом, бродяга – бомж, хорошо еще, что кот, а не человек.

Саша частенько подкармливал кота и про себя прозвал его «Матроскиным», как в том мультфильме «Трое из Простоквашино». Потрепав бродягу по голове, Саша сказал ему, что теперь ничего нет, а вечером непременно угостит его чем-нибудь вкусным. Кот как будто понял сказанное и направился обратно вверх по лестнице, а Саша бросился на улицу – прочь из этого зловонного подъезда.

Школа была далеко – сначала автобусом до метро, потом минут десять под землей, а там ещё пешком два квартала. Из Сашиного класса только он да ещё Мишка Терёхин добирались до школы своим ходом. Из остальных, кого родители подвозили, а кого и персональный шофер на мерседесе или джипе. Школа была частная и очень дорогая. Нет, поначалу плата была приемлемая – даже Сашин отец, майор из штаба ПВО, мог ее себе позволить. Потом сменились хозяева, а с ними и порядки. Школу стали превращать в «элитный» лицей – благо, хоть учителей почти всех оставили. Из-за них-то и Саша остался. Учителя подобрались хорошие, а тут последний год до выпуска.

Впрочем, он, как все другие «неэлитные», по своему желанию остаться бы не смог – куда там. Всей офицерской зарплаты не хватило бы, чтобы платить за учебу. Директор школы, однако, уговорил хозяев лицея освободить его и Мишку от оплаты. Главным доводом было то, что в классе хорошие ученики необходимы, чтобы остальные тянулись за ними, да и для престижа школы это хорошо. У Саши были блестящие успехи в точных науках, а у Мишки Терёхина – в гуманитарных. Оба не раз занимали призовые места на городских олимпиадах – один по программированию, другой по истории.

Отказываться от бесплатной учебы они конечно же не стали, хотя дома Сашин отец не раз говорил с сарказмом, что этакую «элиту» никакой Эйнштейн за собой не утянет. Наверное, и директор понимал это и слегка лукавил, когда убеждал хозяев – просто хотел помочь талантливым ребятам, да и терять таких учеников было жаль.

Так или иначе, ребята оказались в классе кем-то вроде «гадких утят». Нет, они вовсе не держались вместе, как можно было бы предположить. Напротив – старались избегать друг друга. Было в этом подсознательное, а где-то и осознанное, стремление раствориться среди других, быть, как все. Разговоры между ними случались, но как бы украдкой. В такие минуты им обоим казалось, что все остальные смотрят на них и думают что-то нехорошее, а может быть и шепчутся, кивая в их сторону. Поэтому, перекинувшись несколькими словами, они спешили разойтись. Избегая быть вместе,

ребята тем самым пытались не привлекать внимание других к тому, что объединяло только их двоих – учеба в этом классе за чужой счет.

Говорят, что бедность не порок, но попробуйте-ка втолковать эту истину семнадцатилетнему мальчишке. Отец не раз убеждал Сашу, что ему следует даже гордиться тем, что учится бесплатно, ведь он получил эту своеобразную стипендию, благодаря своему таланту. Пусть попробуют-ка эти балбесы добиться чего-нибудь подобного. Саша молча слушал, а потом возражал, что, мол, балбесам и нужды нет чего-то добиваться – они всё купят.

Однажды, после такого разговора, Саша спросил отца:

– Скажи, вот ты в армии служишь, небо стережешь, а кого ты защищаешь? Неужели того жлоба, что ездит на «хаммере» с охранниками? Чтобы он ту же кошелек свой набил?

Отец, как видно, задумывался об этом и сам, поэтому ответ последовал сразу:

– Да, и того жлоба тоже. Не забывай, что кроме него есть ещё ты и мама, и бабушка, и вот сосед наш алкоголик.... Пусть прозвучит это немного высокопарно, но в одном старом фильме было очень хорошо сказано: «...есть такая профессия – родину защищать». Раз уж в нашей стране есть и жлобы, и алкоголики, надо защищать и их – они ведь тоже наши, не чужие.

Справедливости ради, надо сказать, что и среди «элитных» одноклассников были вполне нормальные ребята и девчонки. Нет, не все из них были высокомерными и заносчивыми. Саша как-то, сам того не заметив, сдружился с Леной, которая сидела за соседней партой. Она всегда была очень грустной и выглядела одинокой. Встретившись с ней взглядом, Саша улыбался, чтобы хоть как-то подбодрить. Поначалу она опускала глаза, но постепенно оттаяла и улыбалась в ответ.

От одного очень болтливого одноклассника Саша узнал, что у Лены недавно умерла мама – обнаружили рак, а через два месяца её уже не стало. Сашу это глубоко тронуло и он всё думал, что-бы такое для Лены сделать. Он стал помогать ей на контрольных по математике. Все свои задачи он обычно решал минут за пятнадцать, а потом сидел скучал до звонка. Заглянув через проход между рядами парт в тетрадку Лены, он переписывал себе в черновик её уравнения и вскоре бросал ей решения на свернутом листочке. Учитель, к счастью, всего этого не замечал, или делал вид, что не замечает.

После первого случая такой помощи они разговорились на перемене. Лена оказалась очень умной и начитанной, с ней было интересно. Как видно, и Саша произвёл на нее благоприятное впечатление. Разговоры их после этого стали более частыми и долгими. Саша не спрашивал Лену о её горе. Он вообще старался избегать упоминания о родителях, чтобы ненароком не всколыхнуть в её душе боль недавней утраты. Но однажды Лена сама заговорила с ним о своей умершей маме.

Глядя в сторону, чтобы скрыть накатывавшиеся слёзы, она рассказала Саше о последнем отпуске, который они втроем провели на Камчатке – в Долине Гейзеров. Отец тогда перед поездкой купил какой-то ультра-современный фотоаппарат «Никон» и много фотографировал их с мамой, но фотографии из аппарата извлечь не удалось – компьютер не смог их прочесть. Потом мама заболела и было уже не до того, а «Никон» тот до сих пор лежит где-то в шкафу.

Как и все в классе, Лена знала, что Саша хорошо разбирается в технике и особенно в компьютерах. С робкой надеждой в голосе она спросила не смог бы он попытаться что-нибудь сделать, чтобы спасти те фотографии, если конечно они до сих пор хранятся в памяти фотоаппарата. Саша без колебаний согласился.

Свою будущую специальность Саша давно выбрал – кибернетика. Он поэтому уже сейчас изучал серьёзные книги по программированию и часами просиживал перед дисплеем, заставляя свой простенький маломощный компьютер творить чудеса. Давалось ему всё легко, и он хватался то за графику, то за анимацию, а то за криптографию или за борьбу с вирусами.

Поврежденные файлы он извлёк из «Никона» без труда. Лишь уголки нескольких фотографий оказались немного испорчены. Со снимков на него смотрела красивая улыбающаяся женщина – было трудно поверить, что на этом свете её уже нет. Отец, как видно, очень любил и Лену, и свою жену. Он снимал их всё время вместе: то они сидят, обнявшись, на рюкзаках, то игриво прячутся за огромные камни, то самозабвенно хохочут, измазав друг друга грязью из гейзера....

Просматривая фотографии, Саша поймал себя на мысли о том, что прикоснулся к чужому счастью, но тут же понял, что и к огромному несчастью тоже. У него возникло желание оставить себе копии нескольких наиболее удачных снимков. Немного поколебавшись, он всё же решил, что это было бы «неблагородным», чем-то вроде воровства.

Саша позвонил Лене и обрадова её тем, что фотографии восстановлены. Она захотела немедленно приехать, но Саша не мог позволить ей искать его квартиру среди этих «хрущоб» и заходить в грязный подъезд. Договорились встретиться в парке около школы.

Когда Саша шёл по аллее, Лена уже сидела на скамейке и нервно поглядывала по сторонам. Рядом с ней лежала сумка с компьютером. Саша отдал ей «Никон» и стал говорить о том, что дефектную память его надо выбросить и купить новую. Лена кивала, но как-будто не слышала этих слов, и нетерпеливо смотрела Саше в глаза. Он, наконец, включил ее ноутбук и перенёс туда графические файлы со своего флэш-накопителя.

Первый же снимок, который Саша открыл, поверг Лену в состояние радости, перемешанной с глубоким горем. Она обхватила руками экран и с минуту смотрела на фотографию матери, не отрываясь. Улыбка на лице её сменялась гримасой беззвучного плача, по щекам катились слёзы. Подняв взгляд на Сашу, она медлила, не находя слов. Справившись, наконец, с комком в горле, Лена сказала: «Спасибо, Сашенька!» и поцеловала его в щёку. Саша смутился и не нашёл, что ответить.

Глядя в сторону и немного поколебавшись, Лена выдавила из себя: «Извини, Саша! Но мне надо побыть одной». Она подняла на него глаза, полные слёз и мольбы о сострадании. «Да, да, конечно. Ну, что ты?!», – поспешно заговорил Саша. – «Я же всё понимаю». Собрав компьютер, Лена еще раз поблагодарила Сашу и торопливо направилась к выходу из парка. Она ушла, не обернувшись, а он стоял около скамейки ещё некоторое время после того, как она скрылась за деревьями. С этого дня она часто стала называть его «Сашенька».

Быстро развивающаяся дружба между Сашей и Леной, конечно же, не могла остаться незамеченной одноклассниками. Красавицей Лена не была, да и одевалась простенько, поэтому классные «львицы» всерьёз её не воспринимали. Но то, что эта «серая мышка» подцепила мальчика, их задевало – пусть даже мальчик этот и не их круга. Так же точно и классный «ловелас», Олег, и внимания-то на неё не обращавший прежде, вдруг сделался учтивым и обходительным.

Нет, Олег вовсе не собирались завоёвывать благосклонность Лены и, тем более, её сердце. Ему попросту претила мысль, что какой-то зубрила, которого держат здесь из милости, смеет на что-то претендовать, вторгается в его «владения». К тому же, люди циничные, не способные на искренние чувства, обыкновенно относятся с опаской или даже враждебно к проявлению таких чувств другими.

Действовал Олег тонко – насколько вообще позволяла быть утонченным его самоуверенность. Впрочем, можно ли назвать тонкими попытки унижить Сашу в глазах окружающих и, особенно, Лены. Там нарочито вежливый жест со слащавой улыбкой, тут колкая реплика или намёк на его несоответствие их обществу – в ход шло всё. Нашлись и добровольные помощники, с пониманием кивавшие головами и откровенно ухмылявшиеся после этих реплик и намёков.

Все знали, что в компьютерах и программировании равных Саше нет во всей школе, да, пожалуй, и далеко за её пределами. Но и это Олег пытался обратить против него. После урока информатики, на котором Саша показал созданную им самим игру, Олег нарочито громко рассказал историю о том, как его отец недавно уволил из своего банка слишком уж умного программиста. Такой, мол, и ограбить может – дай только доступ к информации, ведь бедность в сочетании со способностями штука опасная. Понятно было, что историю эту Олег выдумал, но некоторые из его приятелей стали с готовностью поддакивать и, как бы невзначай, бросать взгляды на Сашу.

Все колкие выпады Олега оставались без ответа. У Саши всегда находились едкие фразы, которые бы заставили окружающих смеяться не над ним, а над этим самодовольным хлыщом. Он, однако, с самого начала решил для себя, что не станет ввязываться в словесную баталию, ведь именно этого Олегу и хотелось. Дай только почувствовать, что тебе больно, и нападки сделаются более явными и злыми – тогда может накинуться и вся «свора». Вместо этого у Саши зрел другой план.

Время от времени Олег приносил в школу свой шикарный ноутбук и показывал фотографии. Раз в две три недели отец брал его с собой на выходные то в Париж, то в Лондон, а то и на какие-нибудь экзотические острова. Вот из этих поездок он и привозил снимки. Ноутбук подключался к школьному компьютеру, с которого картинки шли на подвешенный у потолка проектор и показывались на большом экране.

Олег сопровождал фотографии то короткими шутками, то продолжительными рассказами. По всему было видно, что он красовался и получал удовольствие от своих собственных шуток и особенно от общего смеха, который они вызывали, хотя и не всегда были тонкими. На просмотр обычно собирался почти весь класс. Среди зрителей всегда была и Лена. По понятным причинам Саше неприятно было общество Олега, но, вопреки желанию уйти, он сидел на этих представлениях, устроившись где-нибудь в углу. Его уход означал бы признание того, что он другой, чужой в этом

обществе, что он завидует Олегу. В другом углу всегда можно было видеть и Мишку Терёхина, на которого, впрочем, никто внимания не обращал.

Сидя как-то на одном из таких шоу, Саша решил нанести ответный удар там, где он будет для Олега чувствительнее, а именно, по его страсти ко всеобщему вниманию и восторгам. Нет, в открытый бой вступать он всё равно не собирался, а, скажем, испортить пару-тройку таких вот фото-спектаклей вполне можно, и оставаясь в тени. Ну, конечно, мстить изподтишка – неблагородно, да разве с таким типом благородство сохранишь? Чем дольше он об этом думал, тем больше находил себе оправданий. Вскоре, он окончательно убедил себя, что надо следовать народной мудрости: «с волками жить – по волчьи выть», и приступил к осуществлению своего замысла.

Ещё до этого, изучая книги по компьютерной безопасности, Саша прочёл подробное описание нескольких типов «вирусов» – вредоносных программ, которые способны сами переходить с одной машины на другую, когда они соединены, и уничтожать хранящуюся там информацию. Теперь у него возник план создать свой собственный «вирус» который сотрёт фотографии в компьютере Олега.

Дело оказалось далеко не простым. Саша перевернул груды литературы, ночами напролёт просиживал в интернете, собирая по крупицам необходимые сведения, изучил новый для себя машинный язык – ассемблер.... Словом, чуть не вся энергия его уходила на осуществление идеи, захватившей его мысли. Были моменты отчаяния, когда ничего не выходило и Саша готов был бросить свою затею, но жажда мести заставляла его работать дальше.

В конце концов, Саше удалось создать такой «вирус», какой был задуман с самого начала. План был таков: за день до очередного Олегова спектакля заразить этим «вирусом» школьный компьютер; как только Олег подключит к нему свой ноутбук, «вирус» перекинется на него и уничтожит все хранящиеся там фотографии. При этом Сашина программа была написана так, что информация не просто терялась, а стиралась методично байт за байтом – восстановить её уже было невозможно.

О своих представлениях Олег всегда предупреждал загодя – зрители должны предвкушать зрелище и готовиться. Недавно он побывал где-то в Скандинавии и вот на сегодня был назначен очередной спектакль. Саша давно уже приготовился к нему, как никто другой из зрителей. Ярко зелёный диск с «вирусом» с неделю лежал в его рюкзаке. Сегодня утром, сидя у телевизора, Саша мысленно рисовал себе образ растерянного Олега, когда тот обнаружит, что все его фотографии пропали. Накануне Саша незаметно зашёл в класс информатики и, вставив в школьный компьютер свой диск, поставил свою «компьютерную бомбу» на изготовку.

Утром перед началом урока Олег ещё раз напомнил всему классу, что сегодня будет показ очень забавных снимков. Загадочно улыбнувшись, он пообещал нечто такое, чего они и вообразить не могут. Саша все пять уроков сидел, как на иголках. На геометрии он даже ответил что-то невпопад, чем вызвал немалое изумление не только учителя, но и одноклассников. В душе его боролись сразу несколько чувств. Тут было и предвкушение мести, и страх, и, даже, как это ни странно, жалость к Олегу. Мелькало временами и чувство стыда, но Саша быстро подавлял его в себе, призывая на помощь воспоминания о неблагоприятных поступках Олега.

Вот, наконец, и последний урок завершился. Олег встал, поднял обе руки над головой и громко захлопал, требуя внимания. Когда шум стих, он с жеманной ироничностью пригласил публику на представление. Один из его приятелей, подыгрывая и подстраиваясь под заданный шуточный тон, поинтересовался о стоимости входного билета. «Как всегда – за счёт заведения!», – последовал ответ Олега и все шумной толпой направились в класс информатики.

Когда все расселись. Олег в двух словах рассказал, где побывал на этот раз, и вновь попытался заинтриговать народ, делая намёки на необычность и даже пикантность некоторых снимков. Публика поначалу было стихла, но Олег всё никак не начинал, копаясь со своим компьютером, поэтому в классе стал нарастать гомон разговоров.

Когда нетерпение взяло верх, слышались реплики: «Ну, что там, Олег?», «Давай уже!», «Сапожники!»... Олег, оторвавшись, наконец, от ноутбука, поднял руку.

– Ну, надо же, – сказал он, с наиграной улыбкой покачивая головой, – Не могу найти ни одной фотографии. Просто нет файлов, как будто кто-то их стёр.

– Может быть вирус у тебя завёлся, – крикнули из заднего ряда.

– Да ладно, ерунда. Завтра отдам комп этот отцу в банк. Там у него такие крутые ребята есть – вмиг всё восстановят. У меня уже такое было. Вирус – дело житейское. Ну, тогда на сегодня всё – как говорится, извиняйте, кина не будет.

Саша на эти его слова только улыбнулся, потом неторопливо встал и вместе со всеми вышел. То, как отреагировал Олег на пропажу фотографий, несколько отличалось от ожидаемого, но в общем-то цель была достигнута.

Саша не пошёл домой сразу. Ему хотелось послушать, что станут говорить одноклассники по поводу провала так разрекламированного представления. Несколько ребят направились в школьную библиотеку, и он пошёл с ними. А ребята эти, казалось, и думать забыли о неудавшемся показе фотографий. Вместо этого они увлечённо обсуждали недавний футбольный матч Лиги Чемпионов. Раздосадованный Саша, не прощаясь, удалился. Проходя мимо класса информатики, Саша услышал всхлипывания. Он заглянул в дверь. Там никого не было, кроме Лены. Увидев его, она бросилась навстречу, торопливо вытирая заплаканные глаза.

– Сашенька, ты же всё можешь, помоги! Мамины фотографии пропали. Когда все ушли, я хотела посмотреть их на большом экране, а их почему-то нет в компьютере, – скороговоркой начала она. Саша увидел её ноутбук, подключенный к школьному компьютеру, и сердце его оборвалось. Хватаясь за последнюю соломинку, он спросил:

– У тебя дома где-нибудь есть копии этих файлов?

– Нет, всё здесь, в этом ноутбуке. Ты же сам их сюда записал.

– А в фотоаппарате?!

– Ну, ты же сказал выбросить его испорченную память, и я ..., – Лена всхлипнула и прикрыла рот ладошкой.

Саша стал для виду тыкать по клавишам, набирать какие-то бессмысленные команды, открывать и закрывать окна. Лена с надеждой и верой в его всемогущество следила, затаив дыхание. А он оттягивал время, не зная, как сообщить ей ужасную

весть. Сказав, наконец, что нашел вирус, он уничтожил свою хитроумную программу и в ноутбуке, и в школьном компьютере.

– А как же фотографии? – робко спросила Лена.

– Ты знаешь..., – начал он медленно, – боюсь, что они потеряны навсегда.

– Как навсегда?! Да что же ты говоришь такое, Сашенька? Как навсегда? Нет, нет, ты поищи, они там. Ну, ты же сам записал, сам ...

Она поднесла ладони к полуоткрытому рту, из которого готов был вырваться крик. В глазах её застыл ужас. Саша виновато опустил взгляд. Что мог он сказать ей в этот момент? Утешать – было бы лживо и бесполезно, а признаться – означало бы конец всему: и дружбе, и, возможно, учёбе в этой школе, а, стало быть, и учёбе вообще – ведь до выпускных экзаменов оставалось лишь несколько недель; да и фотографии это всё равно бы не вернуло.

Лена беззвучно плакала, прикрыв глаза ладонями, а Саша сидел рядом с понуро опущенной головой. Дотронуться до её дрожащего плеча Саше не давало жгучее чувство вины. Его «компьютерная бомба» словно бы заставила умереть маму этой несчастной девочки во второй раз. А ещё Сашу мучало осознание того, что он был трусливым предателем, от которого Лена ждёт участия и помощи, не догадываясь, что он-то и виноват во всём.

Прошло с четверть часа. Слезы были все выплаканы, в душе остались лишь пустота и горечь, слов не было. Саша и Лена сидели бок о бок, не глядя друг на друга. С чувством обреченного отчаяния Лена сказала, наконец, негромко и как-будто не Саше, а себе самой:

– Попрошу Олега... он говорил сегодня, что знает каких-то программистов, которые могут восстанавливать стёртые фотографии.

– Не надо, – сказал Саша, не поднимая взгляда. – Не поможет. Вирус этот стирает всё подчистую.

Лена посмотрела на него с выражением обиды на лице. Она, конечно же, верила Саше, но всё же хотела на что-то надеяться, а он так больно бил по этой надежде своей горькой правдой. Лена молча сложила ноутбук и, не прощаясь, ушла, а Саша так и остался сидеть, глядя в пол. Не попытался он ни остановить её, ни даже что-нибудь сказать. Пуще всего он боялся встретиться с Леной глазами, словно бы она могла заглянуть ему в душу и прочесть там всё, как было на самом деле.

Будто в полусне, не замечая ничего вокруг, Саша пошёл к станции метро. Очнулся он уже во дворе своего панельного дома. Полутёмный подъезд встретил Сашу всё тем же тошнотворным запахом тухлой рыбы. Знакомый кот неторопливо шёл вверх по лестнице, словно не замечая идущего следом человека. Возмущенный такой бесцеремонностью, Саша ударом ноги отбросил кота с дороги и поспешил к своей двери. Испуганное и обиженное мяуканье не вызвало в его душе жалости – скорее, желание наподдать этой наглой твари ещё.

Дома никого не было. Родители уехали на дачу – так они называли свой крохотный огорожок с сараюшкой, где хранились лопаты и можно было переночевать на деревянном топчане. Саша тяжело опустился в кресло и погрузился в состояние отрешенности и оцепенения. Мысли мелькали повторяющимися обрывками, как рваные кусочки песни на поцарапаной пластинке. Да и не мысли были это, а так – рой

бессвязных слов, сказанных ему и произнесенных им самим за последние несколько дней. Весь этот словесный рой, словно туча комаров, назойливо кружил вокруг его сосредоточенности на том, что всё плохо, ужасно и непоправимо.

Час ли прошел или два, а быть может, минут двадцать – Саша оказался вне времени. Однако же, время продолжало свой бег и без него. В комнате сгустились сумерки, из кухни доносилось мерное жужжание холодильника, а настенные часы едва слышно щелкали секундной стрелкой, словно отбивая такт мелодии вечности. Вернувшись из мира своих путаных мыслей к реальности, Саша дотянулся до пульта, лежавшего на журнальном столике, и включил телевизор.

На экране возник всё тот же палестинский террорист, которого показывали утром. За кадром теперь звучал голос другого репортера, да и сам террорист выглядел иначе. Он словно бы возвратился из потустороннего мира, и блеск смертельного безумия из его глаз исчез. Нет, сейчас он был уже не тем, кто простился с жизнью и стоял обеими ногами в могиле. Глядя прямо в камеру, он повторял всё то же: «Аллах акбар!», только по-другому – осмысленно и с вызовом. Сквозь густую бороду его можно было даже уловить горделивую улыбку победителя.

Когда вновь стали показывать плачущую девочку, Саша выключил телевизор. Достав из рюкзака свой зеленый диск, он швырнул его на пол и наступил ногой. Пластиковая упаковка захрустела. Звуки эти больно царапнули по нервам, натянутым будто струны. Саша поднял ногу и, что было сил, ударил по диску каблуком....

Решительным движением руки Саша снял телефонную трубку и набрал номер. Услышав на другом конце голос Лены, он рассказал всю правду. Говорил он быстро, не давая ей возможности вставить ни слова. А трубка молчала и продолжала молчать даже, когда он закончил свои признания. Помедлив несколько секунд, словно бы подставляя себя под удар возможных упрёков, Саша упавшим голосом сказал: «То, что я сделал, чудовищно. Прости, если сможешь. Впрочем, если не сможешь, я пойму это и приму, как должное». Не ожидая ответа, он положил трубку.

Вскоре, тяжесть душевная стала отступать, словно колдовское заклятие, снятое волшебной палочкой. «Надо осколки убрать, а то пораниться можно», – подумал Саша и пошел на кухню за веником и совком. Там на столе лежал подсохший кусочек сыра, забытый после завтрака. «Утром отдам Матроскину», – отметил он в памяти, чтобы не забыть. – «Да и молока надо бы ему немного налить».